

Нестик Т.А.,
Солдатова Г.У.

ОСНОВНЫЕ МОДЕЛИ ЦИФРОВОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ

Нестик Тимофей Александрович, доктор психологических наук, с.н.с.
лаборатории социальной и экономической психологии Института
психологии РАН, nestik@gmail.com

Солдатова Галина Уртанбековна, доктор психологических наук, профессор,
член-корреспондент РАО, заместитель заведующего кафедрой
психологии личности, заместитель декана факультета психологии МГУ
им. М.В. Ломоносова, soldatova.galina@gmail.com

Timofey A. Nestik, doctor of science, senior researcher at the Institute of
psychology, Russian academy of sciences

Galina V. Soldatova, doctor of science, professor, Lomonosov Moscow State
University, Moscow, Russia

Аннотация: В статье дается анализ подходов к исследованию феномена технофобии, рассматриваются факторы отношения личности и группы к цифровым технологиям. Приводятся результаты эмпирического исследования отношения взрослых к интернету, проведенного на общероссийской репрезентативной выборке (2013 г.; N = 1209). Анализируются различия в пользовательской активности и моделях цифровой компетентности между «технофобами» и «технофилами». Делается вывод о влиянии отношения к технологиям на формирование цифровой компетентности.

Abstract: The current article focuses on the problem of technophobia as social-psychological phenomenon. The antecedents of person's attitude toward informational technologies and internet are considered. The results of empirical study of Russian adults' internet attitudes are discussed (2013, N = 1209). The study showed differences in user activities and digital competencies among technophobes and technophiles. The empirical results suggest how attitudes toward internet affect users' digital competence.

Ключевые слова: интернет, цифровая компетентность, технофобия, доверие к технологиям, социальное конструирование технологии.

Key words: internet, digital competence, technophobia, trust toward technology, social constructing of technology.

Растущая скорость изменений в сфере информационных технологий делает актуальной проблему осмысления цифрового мира современным человеком, повышает востребованность осознанного отношения общества к интернет-технологиям и их регулированию. Технофобия как негативное отношение к передовым

цифровым технологиям может рассматриваться в качестве естественной реакции общества на «шок будущего», когда темпы технологического прогресса опережают формирование способности общества осмысливать изменения и вырабатывать социальные соглашения по поводу использования новых технических возможностей [3, 10, 12].

ТЕХНОФОБИЯ КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Возникнув в конце 17 века в ответ на промышленную революцию, технофобия продолжает подстегиваться объективными факторами — сокращением рабочих мест в связи с механизацией (19 век), а затем автоматизацией труда (20–21 века); использованием оружия массового уничтожения (газовые атаки Первой мировой войны, уничтожение Хиросимы и Нагасаки атомными бомбами во Второй мировой войне); ростом масштабов техногенных катастроф, экологическими последствиями применения химических и биологических технологий.

Не удивительно, что массовые опросы уже в 1970 и 1980 гг. выявили высокое число «технофобов». Например, в 1966 г. более 72% западных немцев считали технологии благом, тогда как в 1984 г. — только 34% [17]. По оценкам исследователей, около половины взрослых людей в современном мире подвержены тем или иным форма технофобии [18].

С появлением интернета к этим факторам добавились угрозы, связанные с киберпреступностью, а также с расширяющимися возможностями слежения и контроля за человеческим поведением с помощью цифровых технологий. В массовом сознании образы «опасной технологии» были закреплены и получили широкое распространение благодаря кинематографу — вспомним такие киноэпопеи, как «Терминатор», «Матрица», «Обитель зла», «Крикуны», противостояние естественного и искусственного в блокбастерах «Я — робот» и «Аватар». Технооптимизму науки противостоит технопессимизм научной фантастики, находящий свое выражение в книгах и комиксах, фильмах, компьютерных играх и т.п. [20]. Не удивительно, что негативное отношение к новым технологиям может быть устойчивым, даже несмотря на позитивное их освещение в СМИ (Metag, Marcinkowski, 2014).

Исследования свидетельствуют о существовании кросс-культурных различий в уровне технофобии. На заре распространения интернета в США тревогу перед компьютерами испытывали

только 34% студентов, тогда как в Японии и Индии соответственно — 58% и 82% (Weil, Rosen, 1995). Такие различия могут быть связаны не только с уровнем технологического и экономического развития страны, но и ее культурой (Zakour, 2007). В частности, долгосрочная ориентация снижает воспринимаемую трудность овладения технологией, индивидуализм ослабляет влияние значимых других на отношение к технологии, а маскулинность культуры повышает значимость ожидаемой пользы от использования технологии (Nistor et al., 2013).

Согласно наиболее часто цитируемому определению, *технофобия* — это 1) внутреннее сопротивление, возникающее у людей, когда они думают или говорят о новой технологии; 2) страх или тревога, связанная с использованием технологии; 3) враждебные или агрессивные установки в отношении новой технологии [18]. Данный феномен имеет когнитивные, эмоциональные и поведенческие компоненты. Он складывается из 1) негативно окрашенных представлений о новой технологии в целом и ее воздействии на общество; 2) тревоги в связи с текущим или предвосхищаемым взаимодействием с технологией; 3) самопорицания во время пользования технологией (Rosen, Weil, 1990).

С позиции клинической психологии, технофобия в сфере информационных технологий может проявляться в широком спектре состояний. Л. Роузен выделяет три основных ее типа. Первый тип технофобии — это устойчивое чувство дискомфорта при использовании технологией. Второй — когнитивные предубеждения, связанные с данной технологией. Технофобы этого типа пользуются устройством, упрекая себя за это. Третий тип — это классическое тревожное расстройство. На этом крайнем полюсе шкалы технофобии с такими симптомами как учащенное сердцебиение и потливость ладоней находятся не более 5% обследованных пользователей (Rosen et al., 1993). Выделяют четыре измерения тревоги, связанной с использованием интернета: тревога в связи с использованием интернет-терминологии, тревога при поисковых запросах в интернет, тревога при задержках загрузки информации, а также общий страх совершения ошибки при использовании интернетом [24]. Исследования С. Торпа и М. Броснана выявили у клинических технофобов симптомы, схожие с переживаниями арахнофобов при контакте с пауками [25]. Исследования показывают, что тревожные состояния, связанные с использованием интернета, закрепляются и становятся хроническими, если подверженные им люди не получают соответствующую, прежде всего неформальную, поддержку (Brosnan et al., 2012). Технофобия свя-

зана с рядом личностных характеристик, таких как уровень тревожности, когнитивный стиль и, — в наибольшей степени — самоэффективность [22]. Самоэффективность оказывает более существенное влияние на принятие новых технологий пользователями, чем возраст и предшествующий опыт (Jung et al., 2010; González et al., 2012).

В демографическом отношении технофобия более характерна для женщин, чем для мужчин (Gilbert et al., 2003). Возможно, это связано с гендерными различиями в подходах к освоению новых технологий. Так, например, мужчины более готовы прикладывать дополнительные самостоятельные усилия для овладения новой технологией или устройством, тогда как для женщин особенно важным является наличие технической поддержки и возможность специального обучения (Wang, Wang, 2010).

В целом отмечают положительную связь тревоги при использовании интернетом с возрастом испытуемых, однако у пожилых людей тревога может быть ниже, чем у молодых, так как они заранее снижают требования к себе, признавая ограниченность своего цифрового опыта (Ha et al., 2011). Более существенным предиктором технофобии является возраст, в котором пользователи начали знакомство с интернетом. При этом технофобия негативно связана с количеством часов непрерывного использования, однако не обнаруживает никакой связи с общей частотой пользования интернетом (Joiner et al., 2012). Иными словами, особенностью технофобии является негативное отношение к технологии при невозможности устранить контакт с ней [22].

В настоящее время существуют несколько *психологических моделей формирования отношения* пользователей к новым технологиям. Так, опираясь на восемь известных моделей поведения пользователей в области ИТ, команда исследователей во главе с В. Венкатеш разработала единую теорию принятия и использования технологий (Venkatesh et al., 2003). Предпосылками ее создания стали концепции спланированного поведения (Ajzen, 1991), модель принятия технологии [19], теория распространения инноваций (Rogers, 1995), социо-когнитивная теория (Bandura, 1986) и др. Модель предполагает четыре *детерминанты* использования новых технологий и четыре модератора — *факторы*, опосредствующие влияние детерминант на установки и поведение пользователей, такие как пол, возраст и опыт взаимодействия с технологией. К детерминантам принятия технологий относятся ожидаемая полезность технологии (преимущества, различного рода выгоды), ожидаемые усилия при ее использовании (например, субъектив-

ная трудность овладения соответствующими навыками, оценка необходимого времени, соответствия сложившимся привычкам и т.п.), социальное влияние (в какой степени пользователи считают владение данной технологией желательным с точки зрения значимых других — коллег, знакомых, друзей, родственников, авторитетных фигур), а также обстоятельства, облегчающие пользование технологией — наличие соответствующих финансовых и временных ресурсов, технической поддержки, обучения и т.п. (Brown, Venkatesh, 2005).

Исследования свидетельствуют о том, что отношение к новым технологиям тесно связано с гедонистической мотивацией (Brown, Venkatesh, 2005; Holbrook, Hirschman 1982; van der Heijden 2004), ожидаемой полезностью технологии, ценовой доступностью и издержками (Brown, Venkatesh 2005), целями использования и привычками (Limayem et al. 2007). У пожилых пользователей стремление к овладению цифровой компетентностью объясняется прежде всего стремлением сохранить собственную автономность, включенность в социальные контакты. Роль удовольствия и положительных эмоций в формировании отношения к новым технологиям особенно велика среди молодежи, тогда как среди пожилых пользователей не менее важным оказывается ожидаемая полезность. Как оказалось, эмоциональные переживания существенно влияют на готовность использовать информационные технологии, однако направленность подобного влияния зависит не от положительности эмоций, а от их социального значения. Например, чувство удовольствия снижает готовность исследовать возможности новой технологии, гнев по поводу новой технологии оказывает опосредованное положительное влияние на готовность ее использовать, так как облегчает получение социальной поддержки, которая в свою очередь ускоряет обучение; подобный же противоречивый эффект оказывает и тревога по поводу новых технологий (Beaudry, Pinsonneault, 2010).

В своем исследовании феномена технофобии М. Броснан указывает на ключевую роль нескольких психологических механизмов. Опираясь на модель принятия технологии [19] и ряд собственных исследований, М. Броснан связывает готовность пользоваться технологией с оценкой ее полезности для решения конкретной задачи. Воспринимаемая полезность, в свою очередь, определяется предшествующим опытом, оценкой трудоемкости освоения технологии, а также уровнем тревоги, который зависит от испытываемого чувства удовольствия при использовании технологии, а также от самоофективности [18].

Подобно отношениям между людьми, отношение к новым технологиям можно рассматривать как более или менее доверительное [5, 6]. Под *доверием к технике* понимается специфическое психологическое отношение человека, выражающее его представления, эмоциональные реакции и готовность к выполнению профессиональных задач с помощью техники. Как показывают исследования А.А. Обознова и А.Ю. Акимовой, доверие к технике может различаться по оценке ее надежности, то есть стабильности и исправности работы, а также по оценке личностью собственной способности управлять ею [9]. По-видимому, технофобию можно охарактеризовать как более или менее выраженное *недоверие* к технике. Однако, с учетом того, что технофобы не могут полностью исключить пользование технологией, следует предположить, что отношение к технологии как к социально опасной может сочетаться с высокой оценкой собственной способности к ее использованию.

Социально-психологический контекст технофобии становится очевидным, как только мы перестаем рассматривать пользователей новой технологии как пассивных реципиентов технического прогресса и признаем в них активных участников формирования технологии. Именно такое понимание отношения к технологии и глобальным технологическим рискам предлагают конструкционистская и интеракционистская парадигмы, получившие широкое признание в культурной антропологии и социологии электронных технологий: это концепция социального конструирования технологии В. Байджджера и Т. Пинча, модель «одомашнивания» технологии Р. Сильверстоуна, а также акторно-сетевая теория Б. Латура.

Согласно концепции социального конструирования технологии, новая технология обладает интерпретативной гибкостью: затронутые ею социальные группы взаимодействуют друг с другом, разделяя новый продукт или услугу различными смыслами, изменяя представления о том, какими должны быть дизайн, функциональность и правила использования инновационного продукта. Межгрупповое взаимодействие может носить форму конфликта или подчинения интересов одной социальной группы интересам другой: например, при переходе к массовому производству производители ламп приняли стандарты, навязанные производителями электроэнергии. Другой пример «переговоров» приводят Т. Пинч и В. Байдджер в связи с распространением велосипеда. Постепенно на место «мужской» модели с большим передним колесом пришла более привычная нам форма велосипеда, адаптированная для женщин и подростков [23].

В создании новых технологий и научного знания на глобальном уровне активно участвуют непрофессиональные группы. Часть из них оказываются затронутыми технологиями и успешно мобилизуют социальное партнерство, привлекая к своей проблеме внимание спонсоров, СМИ, ученых и чиновников. Например, это нередко удается ассоциациям пациентов, страдающих от одной и той же болезни. Вместе с тем, существуют группы отверженных, интересы которых не учтены в сложившейся социально-экономической системе, и которые защищают их, создавая альтернативные инновационные сообщества. Типичный пример — глобальные и национальные сообщества интернет-хакеров (Callon, Rabeharisoa, 2008). Конструирование представлений о новых технологиях на групповом уровне наиболее интенсивно происходит в пользовательских сообществах — при обмене опытом. Обмен техническими знаниями в пользовательских сообществах имеет свою специфику, хорошо отмеченную Н.В. Богатырь как «кризисное прочтение технологии» [1]. Совместный поиск решения в конкретной проблемной ситуации здесь часто сосредоточен на определении контекста произошедшего, угадывании малозначимых на первый взгляд деталей, когда устройство рассматривается как уникальная комбинация пользователя, особенностей технологии и условий эксплуатации.

Переговоры между релевантными социальными группами приводят к стабилизации отношения к технологии и формированию «технологического фрейма», то есть устойчивой, воспроизводимой системы социальных представлений о конкретной технологии и ее месте в обществе [2, 21].

В концепции Р. Сильверстоуна аналогичный процесс описывается как «одомашнивание» цифровых технологий, аналогичное тому, как 10 тыс. лет назад человек приручал домашних животных. Доместикация понимается как *совместное творчество* [8], в ходе которого пользователи публично конструируют технологию, создают культуру ее потребления (Silverstone, 2006; Sørensen, 2005; Pantzar, 1997). В рамках доместикации информационной технологии в домохозяйстве или организации осуществляется целый ряд процессов (Haddon, 2011): ее присвоение (переговоры по поводу возможного использования и приобретения), инкорпорация (нахождение конкретного места для технологии в доме), объективация (включение в рутинные процедуры, домашние ритуалы, то есть во временную структуру жизнедеятельности), а также конвертация (способы использования технологии для подчеркивания своей социальной идентичности, то есть то, как мы говорим об этой тех-

нологии и показываем ее другим). В масштабах всего общества «одомашниваемая» технология проходит путь от удовольствия для избранных к повседневной необходимости (Pantzar, 1997). Технологии сначала выступают в качестве «игрушек»; затем они становятся «зеркалом» для самого общества, когда собственно техническая сторона продукта становится привычной, отходит на второй план, и внимание пользователей сосредотачивается на полезных свойствах, переходит с формы на передаваемое содержание; наконец, на третьем этапе своего развития технологии начинают использоваться как форма искусства: именно так, по мнению П. Левинсона, менялось отношение к средствам звуко- и видеозаписи (Levinson, 1985).

Как видим, положительное или негативное отношение к информационной технологии может быть парциальным, то есть касаться отдельных ее аспектов, или генерализованным, оно может быть связано с той или иной стадией ее «одомашнивания» в семье или на месте работы. Технофобия может возникнуть на разных стадиях развития самой технологии, каждая из которых олицетворяется разными социальными группами пользователей. При этом отношение к технологии опосредовано отношениями с другими людьми, социальной идентификацией и социальным сравнением, кстати, как и всякий вид отношения человека, что хорошо известно в социальной психологии [13, 14].

Схожий подход предлагает «акторно-сетевая теория» созданная Б. Латуром, М. Каллоном и Дж. Ло. В основу данного подхода легла идея равенства между человеческими и нечеловеческими участниками сети совместной деятельности, что ее принципиально отличает от традиционных представлений [11]. Например, полки с товарами и механизм открывания дверей в торговом центре являются полноправными и *активными участниками* процесса покупки. Современные пользователи являются изощренными «калькуляторами» экономической полезности, благодаря цифровым «протезам», которые позволяют им быстрее искать и обрабатывать информацию (Callon, 2008). Появление интернета, а затем и «интернета вещей» стали зримым воплощением акторно-сетевой теории. Применительно к информационным технологиям это означает, что пользователи принимают участие в их конструировании так же, как и планшеты или смартфоны, которыми они вооружены.

Акторно-сетевой подход позволяет увидеть феномен технофобии в новом свете. В самом деле, негативное отношение к социальным сетям или интернету в целом не сводимо к личности од-

ного пользователя, это результат *взаимодействия* с программами, устройствами, их создателями, другими пользователями и т.д.

При анализе технофобии важно учитывать, что взаимодействие пользователя с технологиями (даже воображаемое, предвосхищаемое, как это было в случае с нанотехнологиями или 3D-принтерами) аналогично взаимодействию между текстом и читателем. Иными словами, смысл технологии является результатом активного взаимодействия автора, произведения и зрителя. Пользователи участвуют в разработке технологий — и в переносном, и в прямом смысле. В переносном смысле пользователь участвует в создании продукта как будущий, предвосхищаемый разработчиками клиент. В соответствии со своими представлениями о пользователе разработчики вкладывают в продукт «скрипты», «правила прочтения», ограничивающие возможности реального пользователя при взаимодействии с продуктом (Woolgar, 1991; Oudshoorn, Pinch, 2003). Эти представления разработчиков могут быть неполными или ошибочными, и то, что должно было казаться привлекательным в новой информационной технологии, на деле окажется обременительным или даже пугающим. Но пользователи участвуют в разработке и в буквальном смысле: к этому привело широкое распространение *открытых инноваций* и сотворчества, то есть вовлечение потенциальных клиентов в проектирование новых устройств и программных продуктов.

Из проведенного нами анализа феномена технофобии и подходов к его изучению можно сделать *вывод* о том, что отношение к технологиям конструируется вместе с компетенциями, которые признаются необходимыми, входят в «технологический фрейм», как результат взаимодействия пользователя не только с технологией, но и другими пользователями, значимыми другими.

Сегодня интернет является пространством, в котором непрерывно конструируются не только новые смыслы, но и новые культурные ценности, нормы взаимодействия, принципы разрешения стоящих перед российским обществом проблем, что тесно взаимосвязано с социально-психологическими изменениями на уровне личности, социальной группы и общества в целом [4, 7, 15, 16]. Эта новая культура цифрового мира рождается в диалоге между различными сообществами, часто разделяющими противоположные убеждения. В этих условиях цель развития цифровой компетентности состоит не в том, чтобы оградить граждан цифрового мира от нежелательной информации или превратить их в грамотных, но безличных потребителей онлайн-услуг. Напротив, судьба интернета во многом зависит от умения пользователей отстаивать

свои взгляды в диалоге друг с другом и делать осознанный выбор. Это означает, что цифровая компетентность не может быть сведена к одним лишь техническим умениям, она включает в себя ответственность и осознанность действий, в частности, понимание необходимости договариваться о правилах «цифровой» жизни с представителями различных интернет-сообществ. Цифровая компетентность тесно связана с умением пользователей обновлять, уточнять и корректировать свои представления об интернете и его будущем. Поэтому столь важным становится понимание различий между технофобами и технофилами с точки зрения их пользовательской активности и цифровых компетенций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, технофобия и технофилия в отношении интернет-технологий являются социально-психологическими феноменами, возникновение которых невозможно объяснить одними только личностными характеристиками пользователей. Технофобия имеет когнитивные, эмоциональные и поведенческие компоненты. Наряду с индивидуальными факторами (самоэффективность, открытость к новому, уровень тревожности, пользовательский опыт, эмоциональное состояние и др.), на формирование технофобии оказывают влияние межличностные факторы (общение с коллегами, друзьями и родственниками по поводу технологии), групповые и межгрупповые факторы (столкновение интересов различных релевантных групп в связи с появлением новых технологий, групповые стереотипы — представления о типичных пользователях данной технологии, ее разработчиках и т.д.), а также факторы социетальные (массовая культура и СМИ, уровень технологического и экономического развития страны, кросс-культурные особенности).

Как показал теоретический анализ, технофобия и технофилия являются разными способами социального конструирования и «одомашнивания» технологий, предполагающими разное видение места технологии в своей жизни и обществе.

В заключение хотелось бы наметить несколько направлений, в которых изучение феномена технофобии представляется нам наиболее перспективным. Во-первых, это исследование отношения личности и группы к новым цифровым технологиям, пока еще только проникающим на российский рынок или находящимся в разработке: 3D-принтеры, расширенная реальность и технологии телеприсутствия, последствия использования BigData для контроля за

пользователями, формирование «интернета вещей», в перспективе — возникновение нейронета. Понимание того, как конструируются представления об этих новых технологиях, не только имеет практическую ценность для инновационных компаний, но и позволит найти способы преодоления технофобии в масштабах крупных социальных групп и всего общества, открывает путь к формированию рефлексивной и ответственной позиции пользователя перед лицом технологических рисков.

Во-вторых, развитие семантического интернета и искусственного интеллекта, а также проникновение экспертных систем в повседневную жизнь ставят еще один вопрос: как формируется отношение к технологии в ситуации, когда сама технология выступает активным «субъектом» отношений? С развитием «умных сред» и «интернета вещей» идея «технического субъекта» перестает быть метафорой. Представьте себе увиденную Вами картину в музее, которая начинает присылать Вам письма, или холодильник, который следит за калориями в Вашей пище и не открывается, потому что, как ему сообщил Ваш смартфон, Вы не сделали сегодня достаточного числа шагов. Развитие цифровых технологий ставит вопрос не только о доверии человека к машине, но и о более широкой гамме психологических состояний, которые ранее считались характерными только для межличностных отношений.

В-третьих, мало изученной остается роль групповых и межгрупповых факторов в возникновении и трансляции технофобии. Не ясны механизмы трансляции отношения к технологии от старожилков к новичкам в малых группах: трудовых и образовательных коллективах, семьях и дружеских компаниях. Мы по-прежнему мало знаем о том, как на отношение к технологиям влияет множественная групповая идентичность пользователей, их представления о других пользователях, разработчиках, инвесторах и иных заинтересованных сторонах новой технологии. Большой интерес в этой связи представляют социально-психологические факторы, влияющие на формирование образа технологии в пользовательских сообществах и социальных сетях. Исследования разных специалистов указывают на то, что было бы ошибкой связывать технофобию с низкой технической и цифровой грамотностью пользователей. Овладевая новыми технологиями, различные группы пользователей конструируют разные технологические фреймы — коллективные представления, оправдывающие и закрепляющие доверие или недоверие к технологии.

Наконец, в-четвертых, все большую актуальность приобретает изучение различных способов участия пользователей в создании

новых цифровых продуктов и услуг. Формируется новая парадигма бизнес-моделей и способов взаимодействия с пользователем, при которой он из потребителя превращается в полноправного создателя (Ramaswamy, Ozcan, 2014; Verleye et al., 2015). Могут ли быть технофобы включены в эти практики? Как они реагируют на вовлечение в диалог и сотворчество через новые цифровые услуги? Какую роль при этом играют другие пользователи? Некоторые исследования позволяют предположить, что неудачный опыт такой совместной деятельности может приводить к технофобии (Heidenreich et al., 2015). Очевидно, что с развитием цифрового мира технофобия превращается из традиционной проблемы инженерной психологии во все более актуальную *социально-психологическую проблему*, возникающую и проявляющуюся в межличностными межгрупповом взаимодействии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богатырь Н.В.* Роль пользовательских сообществ в создании и распространении технологических инноваций // Этнографическое обозрение. 2012. №3. С. 88–104.
2. *Богатырь Н.В.* Современная технокультура сквозь призму отношений пользователей и технологий // Этнографическое обозрение. 2011. №5. С. 30–39.
3. Взаимоотношения исследовательской и практической психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
4. Динамика социально-психологических явлений в изменяющемся обществе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1996.
5. Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2013.
6. *Купрейченко А.Б.* Доверие и недоверие технике и социотехническим системам: постановка проблемы и обоснование подхода к исследованию // Ученые записки ИМЭИ. 2012. Т. 2. № 1. С. 126–137.
7. Макропсихология современного российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
8. *Нестик Т.А., Журавлев А.Л.* Совместное творчество как ресурс деятельности организации: состояние и перспективы исследований // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 1. С. 3–21.
9. *Обознов А.А., Акимова А.Ю.* Доверие человека технике как фактор надежности профессиональной деятельности // Знание. Понимание. Умение. 2013. №2. С. 225–231.
10. Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты. М.: Наука, 2007.
11. Совместная деятельность в условиях организационно-экономических изменений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997.
12. Современные тенденции развития психологии труда и организационной психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.

13. *Соснин В.А., Журавлев А.Л., Красников М.А.* Социальная психология: Учебное пособие для студентов вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ФОРУМ; ИНФРА-М, 2011.
14. Социальная психология: Учебное пособие для вузов / Отв. ред. А.Л. Журавлев. М.: ПЕР СЭ, 2002.
15. Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.
16. *Юревич А.В., Журавлев А.Л.* Макропсихологическое состояние современного российского общества // Экономическая наука современной России. 2012. №2. С. 137–140.
17. *Bauer M.* Resistance to new technology: nuclear power, information technology and biotechnology // Resistance to New Technology. Nuclear Power, Information Technology and Biotechnology. Ed. by M. Bauer. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1997. P. 1–42.
18. *Brosnan M.J.* Technophobia: The psychological impact of information technology. London: Routledge, 1998.
19. *Davis F.D.* Perceived usefulness, perceived ease of use, and user acceptance of information technology // MIS Quarterly, 1989, V. 13 (3). P. 319–339.
20. *Dinello D.* Technophobia! Science Fiction Visions of Posthuman Technology. Austin: University of Texas Press, 2005.
21. *Klein H.K., Kleinman D.L.* The Social Construction of Technology: Structural Considerations // Science, Technology, and Human Values. 2002. Vol. 27. №1. P. 28–52.
22. *Osiceanu M.-E.* Psychological Implications of Modern Technologies: «Technophobia» versus «Technophilia» // Procedia — Social and Behavioral Sciences. 2015. V. 180. P. 1137–1144.
23. *Pinch T., Bijker W.* The Social Construction of Facts and Artifacts: Or How the Sociology of Science and the Sociology of Technology Might Benefit Each Other // The Social Construction of Technological Systems: New Directions in the Sociology and History of Technology. Bijker W., Hughes T., Pinch T. (eds.). Cambridge, MA: MIT Press, 1987. P. 17–50.
24. *Presno C.* Taking the byte out of Internet anxiety: Instructional techniques that reduce computer/Internet anxiety in the classroom // Journal of Educational Computing Research, 1998. V. 18. P. 147–161.
25. *Thorpe S., Brosnan M.* Does computer anxiety reach levels which conform to DSM IV criteria for specific phobia? // Computers in Human Behavior, 2007. V. 23. P. 1258–1272.